

Глава 60

Кровать

66 вздрогнула всем телом. С нескрываемым подозрением она уставилась на Бай Юя.

— Зачем тебе нож? — воскликнула она. — Это же просто незащитный, ни в чём не повинный котёнок!

Мало ему было иглы? Теперь ещё и скальпель?!

— Отойди, — отрезал Бай Юй. — Я сам.

Он обогнул застывшую систему и, выдвинув ящик стола, безошибочно извлёк оттуда инструмент.

Инструменты этой эпохи отличались грубостью исполнения; им было далеко до того разнообразия, к которому ветеринар привык в будущем. Тот скальпель, что мужчина держал сейчас в руках, предназначался для людей: массивный, размером почти в половину кота, с длинным и пугающе острым лезвием.

У 66, не имевшей плоти, волосы на затылке готовы были встать дыбом. Всего пары движений этим лезвием хватило бы, чтобы рассечь дрожащий золотистый комок пополам.

— Хост! — снова повысила она голос. — Я обязана напомнить: если ключевой персонаж погибнет, ты никогда не сможешь вернуться в свой прежний мир!

Это было самое серьёзное предупреждение, на которое была способна система. Однако Бай Юй даже не повёл бровью.

— Слишком шумно, — холодно бросил он и снова взялся за дело.

Скальпель был неудобен для столь тонкой работы, но воспаление зашло слишком далеко — без хирургического вмешательства было не обойтись. Бай Юй сосредоточенно ввёл остриё в кожу.

Врач действовал методично: иссёк некротизированные ткани, вычистил гной и аккуратно наложил швы. В подпольной клинике царил полумрак, а тяжёлая форма близорукости вынуждала Бай Юя щуриться, вглядываясь в рану, чтобы завершить процедуру в этих невыносимых условиях. Когда последний стежок был сделан, на кончике его носа выступили капельки холодного пота.

66 осторожно подлетела ближе. Она наблюдала за процессом от начала до конца, и её чувства сменились от леденящего ужаса до полного замешательства. Руки Бай Юя были поразительно тверды, а каждое движение — выверено и логично. Если бы это была обычная пытка, мужчина действовал бы не столь ювелирно.

— Что ты вообще делаешь? — робко спросила система.

Врач бросил на неё короткий взгляд и лаконично ответил:

— Очистка раны. Зашивание.

66 замерла в растерянности. Санация? Швы?

«Подождите-ка!»

Система метнулась вверх. Словно в яркой вспышке, её осенило:

— Кем ты работал раньше?

Бай Юй принялся дезинфицировать руки, ответив со своим обычным безразличием:

— Я ветеринар. Разве это не очевидно?

66 застыла на месте.

— Я слышала... слышала, что ты удалил более двух тысяч кошачьих органов. Что это было?!

— Две тысячи органов? — Мужчина поправил очки, пытаясь припомнить. — Ах, ты про стерилизацию. Да, я удалил яичники и семенники более чем у тысячи кошек.

— ...!

Ветеринар. Как он мог оказаться ветеринаром?! Неужели ветеринар станет мучить кота?

Система ушла в себя, чувствуя полное опустошение. Она забилась в угол, не зная, радоваться ли тому, что её хост не живодер, или горевать из-за того, что сюжетное задание по истязанию героя летит к чертям.

Бай Юй, не обращая внимания на душевные терзания спутницы, принялся рыться в комнате. В конце концов он выудил из какого-то пыльного угла кусок плотного картона. Взяв угольный

карандаш, он набросал на нём изогнутую линию, после чего вооружился ножницами.

66 озадаченно наблюдала, как её холодный и отстранённый хост увлечённо занимается рукоделием.

— Зачем тебе картон?

— Нужно сделать елизаветинский воротник. Когда он очнётся, нельзя позволить ему зализывать рану.

Защитный воротник, напоминающий широкий раструб, предназначался для того, чтобы животные не тревожили швы, заноса инфекцию. Бай Юй быстро придумал картону нужную форму и закрепил конструкцию на шее золотистого комочка.

Современные воротники изготавливаются из самых разных материалов и выглядят довольно мило, но в условиях дефицита творение врача вышло на редкость уродливым и совершенно не гармонировало с аристократической внешностью кота. Однако сейчас было не до эстетики. Он освободил Имюэля от пут, уложил поудобнее, ввёл дозу антибиотика и, накрыв маленьким одеялом, наконец позволил себе перевести дух.

Налив чашку кофе, он принялся за газеты. Прежний владелец клиники, хоть и промышлял тёмными делишками, был человеком образованным, что для Иллирии являлось редкостью. Каждое утро разносчик доставлял ему свежую прессу, и он не пропускал ни одного выпуска.

Врач бегло просмотрел заголовки. Иллирия погружалась в хаос и беззаконие. Район, где находилась клиника, официально подчинялся герцогскому дворцу, но на деле власть здесь принадлежала бандам, собиравшим дань за защиту. Впрочем, статус врача обеспечивал ему относительную безопасность.

Среди прочего его внимание привлекли две новости.

Во-первых, Тиа, дядю герцога Имюэля, обвинили в сговоре с местными группировками с целью покушения на племянника. Сам Тиа всё категорически отрицал.

Во-вторых, слухи об исчезновении самого герцога Имюэля подтвердились. Сроки его возвращения оставались туманными, а поскольку прямых наследников у него не было, дальние родственники уже начали грызню за титул и состояние.

Все эти интриги пока мало касались Бай Юя. Собрав необходимые сведения, он спокойно отложил газету.

К сумеркам Имюэль пришёл в себя.

Он был поражён тем, что всё ещё жив, но жгучая боль в животе заставляла его почти жалеть о спасении. Казалось, кто-то живьём вырезал кусок его плоти.

Герцог хотел понять, что именно сделал с ним врач и насколько опасна рана, но, попытавшись повернуть голову, обнаружил, что обзор полностью перекрыт. На шее висело какое-то несуразное и тяжёлое нечто. Грубый картон неприятно врезался в кожу.

«Это что, ошейник?!»

Имюэль прерывисто вдохнул, яростно думая: проклятый лекарь! Он посмел надеть на него собачий ошейник!

В мыслях он уже подверг врача тысяче изощрённых казней, но когда тот направился к нему, тело кота непроизвольно задрожало. Прошлый эксперимент он пережил, но что его ждёт теперь?

Боги, как же больно...

Бай Юй заметил, что пациент очнулся. Состояние золотистого комочка было тревожным: хвост поджат, шерсть вздыблена, всё тело сотрясала мелкая дрожь. Типичная острая реакция на стресс.

Для кошек подобное состояние чревато серьёзными осложнениями, вплоть до лихорадки или смерти. В нормальных клиниках рядом всегда находится хозяин, но для этого кота обстановка была абсолютно чужой, а рана на животе лишь усугубляла положение. Такой длинный разрез, даже зашитый, причинял нестерпимую боль.

Ветеринар мысленно освежил знания и протянул руку, чтобы поднять животное. Кот задрожал ещё сильнее. Пальцы врача были длинными, кожа — вечно прохладной, а от одежды исходил резкий запах спирта и антисептиков.

Зрачки Имюэля расширились. Он лихорадочно оглядывался, ища путь к отступлению. Врач держал его крепко. Герцог подумал, что мог бы вцепиться в эту руку зубами или когтями, заставив человека разжать хватку...

Но он тут же отбросил эту мысль. В таком теле он не мог причинить вреда — любая атака лишь спровоцирует гнев и ещё более жестокое обращение. И даже если он вырвется, из клиники ему не уйти: картон ограничивал зрение, а боль в животе лишала подвижности. С нескрываемым отчаянием Имюэль осознал, что его единственный шанс — это покорность и надежда на милость.

Но может ли быть милосердным безумец из подпольной лечебницы?

Тем временем Бай Юй уже устроил кота на сгибе локтя, привычно поддерживая его под задние лапы, чтобы тот мог лежать расслабленно. Тот, разумеется, не расслабился; он даже попытался дрыгнуть конечностями, но врач ловко перехватил его.

Уставившись в пол, герцог невольно прижался к груди Бай Юя, изображая смирение, и осторожно коснулся его предплечья лапами. С такой высоты падение гарантировало расхождение швов, а может, и выпадение внутренних органов. Это была верная смерть.

К его облегчению, Бай Юй не собирался его бросать. Врач уверенно поднялся на второй этаж и, выудив из кармана халата ключи, отпер замок. Петли скрипнули, и Имюэль снова весь подобрался.

Что там, за дверью? Дыба? Электрические приборы? Чаны с кислотой?

Ничего из этого. За дверью оказалась спальня.

Это была самая светлая комната во всём доме с огромным окном, в котором догорали оранжевые лучи заката. В углу зеленели два пышных куста эпипремнума, а в центре высилась широкая кровать, застеленная чистым бежевым бельём. От мягких простыней исходил уютный аромат свежести.

Бай Юй уложил Имюэля на постель и заботливо укрыл одеялом. Коту в состоянии стресса требовалось тихое, тёплое и замкнутое пространство. Врач задёрнул шторы, пресекая доступ холодному воздуху, запер окно и, выйдя наружу, плотно закрыл за собой дверь, оставив комнату в полном распоряжении золотистого комочка.

Имюэль остался один, терзаемый сомнениями. Что это значит? Его принесли не в лабораторию, а в спальню?

Он осторожно пошевелил лапой. Постель была мягкой, словно облако; лапы тонули в ней, что заметно облегчало давление на живот. Имюэль повёл ушами, всё ещё не понимая мотивов врача. Окна и двери были заперты. Попытаться бежать сейчас было безумием — если его поймут, участь станет ещё печальнее.

«Будь хорошим мальчиком».

Он помнил это предупреждение. Ему нужно было время, чтобы восстановить силы.

Герцог обернул вокруг себя хвост и свернулся клубком. Только сейчас он заметил, что его вымыли. Шерсть на хвосте стала необычайно мягкой и густой — по размеру он почти не уступал самому коту, напоминая беличий. Когда Имюэль выбирался из реки, он был покрыт

липкой грязью, а теперь сиял чистотой. Очевидно, кто-то тщательно вытер его влажным полотенцем.

Но кто? Этот мясник в белом халате?

Ему стало смешно. Стал бы хладнокровный экспериментатор возиться с хвостом бродячего кота? Слишком много загадок... Но потеря крови и боль брали своё; мысли путались, и вскоре герцог провалился в сон.

Внизу Бай Юй готовился к выходу.

Он надел тяжёлый плащ, натянул охотничью шляпу и поправил воротник перед зеркалом. В таком виде он выглядел как местный интеллигент.

66, паря рядом, осторожно поинтересовалась:

— Ты куда?

— Пойду раздобуду еды для кота, — мужчина запахнул плащ.

С такими травмами «золотой комок» не мог есть обычную пищу; ему требовалось козье молоко или мягкое мясо. Возле дома был рынок, но время близилось к вечеру, и врач не был уверен, что лавки ещё открыты.

Он извлёк из ящика серебряные монеты, пачку банкнот и, сверившись с квитанциями, вышел на улицу. Бай Юй шёл следом за другими покупателями, прислушиваясь к ихговору. Вскоре он уже сам уверенно обращался к торговцам — его произношение было безупречным. Даже без помощи системы он влился в жизнь города так, словно прожил здесь годы.

66 была ошеломлена.

Мужчина купил немного рыбы и чашку козьего молока. Когда он уже собирался повернуть к дому, мимо проходила изысканная дама в нарядной шали. Приподняв юбку в лёгком реверансе, она улыбнулась:

— Добрый вечер, доктор.

— Здравствуйте, мадам, — бесстрастно отозвался он.

Казалось, женщина была хорошо знакома с прежним владельцем клиники. Она подошла вплотную, её пальцы скользнули по плечу Бай Юя, и она склонилась для приветствия. В Европе поцелуй в щёку был обычным делом, но для него этот контакт казался чрезмерным. Мужчина подавил желание отпрянуть, когда дама прильнула к нему и прошептала на самое ухо:

— В воскресенье, в семь вечера. Собор в западной части Иллирии. Ворон, не забудь прийти.

Затем она отстранилась, одарила его загадочной улыбкой и быстро скрылась в толпе.

Брови Бай Юя едва заметно дрогнули. Не подавая виду, он покинул рынок и вернулся в клинику. Велев системе систематизировать известные факты и временную шкалу, связанную с «Вороном», он прошёл на кухню и взял в руки нож.

Кот не смог бы проглотить крупные куски рыбы, её нужно было превратить в нежный фарш. Кулинарные таланты самого Бай Юя оставляли желать лучшего, но приготовление корма для питомцев не составляло труда. Вскоре тишину второго этажа нарушил ритмичный стук ножа о доску.

Тюк, тюк, тюк...

Звук эхом разносился по безмолвному коридору, навевая жуть.

Имюэль внезапно вздрогнул во сне и проснулся. Поведя ушами, он ещё крепче прижал к себе пушистый хвост.

<http://bllate.org/book/15869/1503741>